УДК 81:811

А.А. Сацевич,
Т.К. Кирильчик
Исследователь в области образовательных наук
Минск, Республика Беларусь
Белорусский государственный экономический университет
shuro4ka.official2@gmail.com

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК ПРИНЦИП СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ЕВРАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. *В данной работе исследуется феномен многополярности в языкознании через призму языкового многообразия Евразии. В статье рассматривается, как грамматические структуры, лексические системы и семантические категории в русском, казахском, китайском и белорусском языках по-разному структурируют восприятие действительности. На материале пространственных маркеров, темпоральных конструкций, цветообозначений и терминов родства показана связь между языком и когнитивными установками носителей. Делается вывод о необходимости отказа от западноцентричной модели лингвистики и перехода к плюралистической методологии.*

Ключевые слова: *языковая многополярность, концептуализация мира, евразийское языкознание, межкультурная компетенция, когнитивные различия, семантическая типология, национальная картина мира.*

Satsevich A.A., Kirylchyk T.K.
Researcher in Educational Sciences
Minsk, Republic of Belarus
Belarus State Economic University (BSEU)
shuro4ka.official2@gmail.com

MULTIPOLARITY AS A PRINCIPLE OF MODERN LINGUISTICS: EURASIAN LANGUAGES AND THEIR WORLDVIEWS

Annotation: *This paper examines the phenomenon of multipolarity in linguistics through the lens of Eurasian linguistic diversity. The article examines how grammatical structures, lexical systems and semantic categories in Russian, Kazakh, Chinese and Belarusian languages differently structure the perception of reality. Using spatial markers,*

temporal constructions, color terms, and kinship systems as material, the connection between language and cognitive orientations of speakers is demonstrated. The conclusion emphasizes the need to reject the Western-centric model of linguistics and transition to a pluralistic methodology.

Keywords: *linguistic multipolarity, conceptualization of the world, Eurasian linguistics, intercultural competence, cognitive differences, semantic typology, national worldview.*

На протяжении нескольких десятилетий мировое языкознание развивалось под сильным влиянием теоретических построений, созданных на базе ограниченного числа индоевропейских языков, прежде всего английского и немецкого. Такая ситуация привела к тому, что многие явления, характерные для языков других семей, либо игнорировались, либо рассматривались как маргинальные отклонения от «нормы». Однако сегодня на смену унифицирующему подходу приходит понимание того, что каждый язык обладает собственной внутренней логикой и заслуживает изучения на равных основаниях.

Евразийский континент в этом отношении представляет собой уникальную исследовательскую площадку. Здесь на относительно небольшом географическом пространстве сосредоточены языки принципиально разных типов: от флективных славянских до агглютинативных тюркских, от изолирующих китайского и вьетнамского до полисинтетических палеоазиатских. Подобное разнообразие не создаёт трудностей для взаимопонимания, а, напротив, демонстрирует неисчерпаемые возможности человеческого языка как инструмента познания.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы на конкретных языковых примерах показать, как именно различия в грамматике и лексике ведут к формированию несовпадающих картин мира.

Задачами исследования выступают:

1) Анализ способов выражения пространственных отношений в русском, казахском и китайском языках;

2) Сравнение темпоральных систем;

3) Выявление семантических особенностей цветообозначений и терминологии родства;

4) Формулирование выводов для лингводидактики и теории межкультурной коммуникации.

Начнём с одной из самых фундаментальных категорий – пространства. То, как язык описывает расположение предметов в пространстве и движение между ними, во многом предопределяет пространственное мышление его носителей. В русском и белорусском языках пространственные отношения передаются через сочетание падежных форм (родительный, дательный, винительный, творительный, предложный) с предлогами. При этом носитель

вынужден каждый раз делать выбор между предлогами «в» и «на», что имплицитно отсылает к представлению о вместилище (в комнате) или поверхности (на столе).

Совершенно иную картину демонстрирует казахский язык, относящийся к кыпчакской группе тюркских языков. Здесь пространственные отношения выражаются с помощью системы местных падежей и послелогов. Особого внимания заслуживает наличие аффикса направления движения – датива, а также исходного падежа (аблатива), обозначающего точку отправления. Как пишет М.И. Акберди в своём исследовании, посвящённом лексической вариантности, подобные грамматические различия ведут к формированию разных когнитивных стратегий: носитель казахского языка при описании пути с большей точностью передаёт траекторию и начальную точку движения, тогда как носитель русского языка сосредоточен на финальной точке и форме объекта [Акберди 2005, 14].

Китайский язык демонстрирует третий тип пространственной категоризации. Будучи изолирующим, он не располагает ни падежами, ни послелогами в европейском понимании. Вместо этого используются локативные слова, многие из которых произошли от названий частей человеческого тела: «шан» (верх → поверхность), «ся» (низ → пространство под чем-либо), «ли» (внутренность → середина). Исследователи когнитивной лингвистики отмечают, что такие языковые особенности формируют у китайцев особое внимание к реляционным характеристикам пространства, то есть к связям между предметами, а не к их абсолютным координатам.

Не менее показательные различия наблюдаются в способах концептуализации времени. Русский язык располагает развитой системой глагольных времён (прошедшее, настоящее, будущее) и видовым противопоставлением (совершенный / несовершенный вид). Благодаря этому русскоязычный человек получает возможность тонко различать завершённые и незавершённые действия, однократные и повторяющиеся события. Эта система настолько органична, что её носители обычно не задумываются о её культурной обусловленности.

В китайском языке ситуация диаметрально противоположна. Грамматическое время здесь отсутствует. Временная отнесённость действия выводится из контекста, из лексических маркеров («сегодня», «завтра», «давным-давно») и из аспектуальных частиц, которые указывают не на время, а на характер протекания действия: завершённость (частица «лэ»), опыт совершения действия в прошлом («го»), длительность или продолженность («чжэ»). Такой строй языка формирует иное отношение ко времени: оно воспринимается не как стрела, летящая из прошлого в будущее, а как поток, в котором важнее связь события с текущим моментом, нежели его хронологическая позиция.

Тюркские языки, включая казахский, занимают промежуточное положение. Здесь есть и система времён, и аспектуальные различия, однако аспект нередко доминирует над темпусом. Особый интерес представляют аналитические глагольные конструкции, передающие начинательность, мгновенность, длительность или повторяемость действия. Эти конструкции не имеют точных эквивалентов в славянских языках, что создаёт известные сложности при переводе. Однако именно эти сложности служат доказательством того, что разные языки по-разному расчленяют поток событий.

Классические работы Берлина и Кея, посвящённые универсалиям цветообозначения, были впоследствии дополнены множеством культурно-специфических исследований. На материале евразийских языков видно, что границы между цветами проводятся по-разному. Русский язык различает голубой и синий как два самостоятельных цвета, что подтверждается экспериментами со свободной группировкой цветовых стимулов. Для русскоязычного человека голубой и синий так же далеки друг от друга, как зелёный и жёлтый.

Казахский язык долгое время сохранял амальгаму синего и зелёного в едином слове «көк». Степень, небо, трава – всё это могло обозначаться одним цветотермином, что отражает кочевое мировосприятие, для которого оппозиция «синее небо – зелёная степь» не была принципиальной. В современном казахском языке под влиянием русского происходит постепенная дифференциация, однако в традиционных говорах и в поэтической речи старая система сохраняется. Это прекрасный пример того, как изменение языка ведёт к изменению цветовой картины мира, и наоборот.

Белорусский язык, занимающий особое место в славянской группе, демонстрирует черты сходства с русским (противопоставление «блакітны – сіні»), но вместе с тем в диалектах сохраняются архаичные цветообозначения, связанные с традиционным ткачеством и вышивкой. Как отмечает Н.И. Курганова в своей работе о языковом сознании белорусов, этнокультурная специфика наиболее заметно проявляется именно в тех лексических полях, которые связаны с материальной культурой и бытом [Курганова 2026, 182].

Таксономия родства представляет собой классический объект лингвистической антропологии, поскольку именно в этой сфере языковые различия напрямую отражают социальное устройство. Русская система терминов родства относительно проста: есть брат и сестра, с возможным уточнением «старший» или «младший», есть дяди и тёти по отцу и матери без обязательного различения. Это соответствует нуклеарной семье, характерной для современного индустриального общества.

Казахская система значительно сложнее. Как показывают этнолингвистические описания, здесь существуют отдельные слова для

старшего брата отца («аға»), для младшего брата отца («көке»), для брата матери («таға»), а также для многочисленных категорий родственников по линии мужа или жены. Такая детализированная терминология отражает патриархальное родовое устройство (система «ру» и «жуз»), где каждый член рода занимает строго определённое место в иерархии. Носитель казахского языка с детства усваивает вместе с терминами родства целую социальную карту, которая остаётся невидимой для носителя русского языка.

Китайская система родства идёт ещё дальше. Здесь принципиально различаются родственники по отцовской и материнской линии, по старшинству, а также родственники со стороны супруга/супруги. Существуют отдельные термины для деда по отцу («е»е») и деда по матери («вайгун»), что отражает патрилинейную структуру традиционной китайской семьи, где женщина после замужества переходила в род мужа. Как подчёркивают специалисты по китайскому языку (в том числе исследователи Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ), без овладения этой терминологией невозможно полноценное межличностное общение в китайской среде.

Что всё это означает для практики преподавания иностранных языков? Традиционные методы, нацеленные на отработку грамматических структур и заучивание лексики, исходят из неявного допущения: все языки устроены одинаково, разница лишь в формах. Однако приведённые выше примеры опровергают это допущение. Изучающий казахский или китайский язык не просто выучивает новые слова – он перестраивает свои когнитивные привычки, учится иначе структурировать пространство, время, цвет, социальные отношения.

Отсюда вытекает несколько практических рекомендаций. Во-первых, на занятиях необходимо сознательно сопоставлять родной и изучаемый языки, обращая внимание не только на формальные расхождения, но и на стоящие за ними картины мира. Во-вторых, следует развивать у учащихся металингвистическую рефлексию – способность отдавать себе отчёт в том, как устроен их собственный язык и как устроен изучаемый. В-третьих, нужно отказаться от оценочных суждений вроде «в китайском нет времён, значит, он примитивнее», заменяя их пониманием того, что каждый язык по-своему эффективен для решения коммуникативных задач своего сообщества.

Как справедливо замечает О.Л. Гвоздева, в ситуации межъязыкового контакта неизбежно возникает феномен «промежуточного языка», когда учащийся создаёт гибридные структуры, перенося правила родного языка на иностранный [Гвоздева 2003, 28]. Задача преподавателя – не искоренять этот промежуточный язык любой ценой, а помогать учащемуся осознавать, в каких точках две картины

мира расходятся, и вырабатывать стратегии переключения между ними.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что многополярность в лингвистике – это не просто модный термин, а насущная методологическая необходимость. Языки Евразии демонстрируют поразительное разнообразие способов категоризации пространства, времени, цвета и социальных отношений. Ни один из этих способов не может считаться единственно правильным или универсальным. Каждый из них представляет собой исторически сложившийся компромисс между когнитивными возможностями человека и коммуникативными потребностями сообщества.

Признание многополярности имеет далеко идущие последствия. В теоретической лингвистике оно означает отказ от западноцентричных моделей и разработку новых типологий, учитывающих всё многообразие языков мира. В лингводидактике оно требует пересмотра учебных программ, включения в них сопоставительного анализа картин мира и развития межкультурной компетенции. В практической межкультурной коммуникации оно предполагает уважительное отношение к различиям и готовность к диалогу.

Перспективы дальнейших исследований мы связываем с расширением круга анализируемых языков, особенно малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, языки которых находятся под угрозой исчезновения. Каждый исчезающий язык – это исчезновение целой картины мира, уникального опыта взаимодействия человека с природой и обществом. Задача евразийской лингвистики – зафиксировать это разнообразие, пока оно ещё существует, и сделать его достоянием мировой науки. Как верно подчёркивается в классической работе Дж. Айтчисон, человеческий лексикон – это не пассивное хранилище, а активная когнитивная структура, формирующая процесс мышления [Aitchison 2003, 45]. В многополярном мире знание нескольких картин мира становится не роскошью, а необходимостью.

Список использованной литературы:

1. Акберди М.И. Парономатические варианты слова: проблема выбора: автореф. Алматы, 2005. 24 с.

2. Гвоздева О.Л. Промежуточный язык: решение проблем или возникновение новых? // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 25-32.

3. Кургаанова Н.И. К изучению этнокультурной специфики языкового сознания белорусов // VI Евразийская научно-практическая конференция «Евразийский взгляд на актуальные вопросы филологии, переводоведения и лингводидактики»: электронный сборник научных работ. Минск: БГЭУ, 2026. С. 180-184.

4. Aitchison J. Words in the mind: An introduction to the mental lexicon. 3rd edition. Oxford; Melbourne; Berlin: Blackwell Publishing, 2003. 314 p.